

ПОЛЕМИЧЕСКОЕ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ СОЧИНЕНИЙ Л.Н. ТОЛСТОГО И А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА В ПОЭМЕ ДАВИДА САМОЙЛОВА «СТРУФИАН»

Анализируется связь проблематики и поэтики поэмы Д. Самойлова «Струфиан» (1974) с сочинениями Л.Н. Толстого и А.И. Солженицына. Обращаясь к сюжету, использованному Толстым в «Посмертных записках старца Федора Кузмича» (1905), Самойлов поднимает два принципиально значимых вопроса: во-первых, об исторической ответственности правителя (линия Александра I), во-вторых, о жизнеучительстве и социальном утопизме (линия Фёдора). Уход Александра I мыслится Самойловым не как следствие духовного прозрения, а как счастливая случайность, сопряженная с моральной безответственностью. Polemica с идеями А.И. Солженицына не исчерпывается памфлетным переложением «Письма вождям Советского Союза» в трактате Федора, ведется и спор с «Августом Четырнадцатого» (первая редакция, 1971).

Ключевые слова: Д. Самойлов; А. Солженицын; Л. Толстой; «Струфиан»; «Фарс о Клопове»; «Красное Колесо»; «Август Четырнадцатого»; «Посмертные записки старца Фёдора Кузмича».

Дневники, переписка и публицистика Д. Самойлова свидетельствуют об устойчивом интересе поэта к нескольким «идеологическим» сюжетам: роль писателя-проповедника; уход властителя (иногда – накануне важных исторических событий); личный путь к свободе, предполагающий отказ от привычной мирской жизни.

Л.Н. Толстой и А.И. Солженицын – ключевые фигуры при попытках художественного воплощения перечисленных «интеллектуальных сюжетов» в ряде сочинений поэта, в том числе в поэме («недостоверной повести») «Струфиан» (1974), где сходятся все три линии. «Струфиан», как известно, содержит иронические отсылки к «Письму вождям Советского Союза» (1973) Солженицына и «Посмертным запискам старца Фёдора Кузмича» (1905) Толстого. Эти пересечения позволяют зафиксировать сложный диалог Самойлова с Толстым и Солженицыным.

Переписка с Л.К. Чуковской и ряд дневниковых записей позволяют утверждать, что Самойлов понимал: в «Благодатном намеренье об исправленье...» Федора Кузмича¹ современники видят пародию на «Письмо вождям...». 26 ноября 1974 г. Самойлов записывает: «Дописал “Струфиан” и читал его несколько раз – <Е.Л.> Храмову, вечером Л.К. <Чуковской> Первая ее мысль – не печатать. Потом объективность поборола любовь к А <Александру> И <Асаевичу>» [1. Т. 2. С. 82]; 11 ноября 1975 года пишет о реакции Чуковской на «Снегопад»: «Я же, написав “Струфиан” (который тоже ей не понравился, но по другим причинам – из-за Исаича), чувствовал себя в тупике» [Там же. С. 91]. Сам Солженицын определенно и довольно желчно укажет на связь «Струфиана» с «Письмом вождям...»:

«Итак: всю жизнь, в жажде покоя, остерегался Самойлов печатать стихи с общественным звучанием. Но однажды всё-таки не уберёгся, заманчиво – и стезя общественного поэта, и неопасно: ударить по Письму вождям Солженицына: “Дабы России не остаться / Без колеса и хомута, / Необходимо наше царство / В глухие увести места – / В Сибирь, на Север, на Восток...”. Ну, и собрал сколько-то благожелательных хихиканий среди московских образованцев – впрочем, не единомышленных» [2. С. 175].

Ср. также: Давиду очень понравилось переданное мной «мо» Гершуни²: «“Достал “День поэзии” <М., 1975>?” – “А что там?” – “Самойлов, “Письмо во-

ждям”» [3. С. 24]. Реакция читателей была адекватна замыслу поэта³. В письме к Л.К. Чуковской Самойлов, в частности, писал, цитируя строки из «Струфиана»:

«Можно ли накладывать табу на проблему столь жгучую, как проповедь А.И.? Ведь эта проповедь, учитывая его авторитет, одно из важнейших “намерений об исправлении Империи Российской”. Как же избежать разговора об этом “проекте”? И можно ли жить, не оценивая его, прежде всего с нравственной стороны» (14 декабря 1975 г.) [9. С. 37].

В трактате Кузмича действительно можно найти аналоги положениям письма: подобно Солженицыну, Федор Кузмич видит в западном влиянии опасность для «русского смысла» [10. С. 114] (ср. у Солженицына: «Мы и так слишком долго и слишком верно шли за западной технологией» [5. С. 22]), предлагает увести царство в «Сибирь, на Север, на Восток» [Там же]. (Ср.: «И в том – русская надежда на выигрыш времени и выигрыш спасения: на наших широченных северо-восточных земельных просторах, по нашей же неповоротливости четырех веков еще не обезображенных нашими ошибками <...> Эти пространства дают нам надежду не погубить Россию в кризисе западной цивилизации» [Там же. С. 24].) Препятствием идеологии, по мнению Фёдора, никуда не годится, ее главный порок – замах на решение глобальных проблем; Кузмич призывает к духовному обновлению общества через восстановление веры. Здесь иронически передаются идеи «Письма вождям...», особенно разделов «5. Развитие внутреннее, а не внешнее» и «6. Идеология».

Пolemika Самойлова с Солженицыным и «толстовский» сюжет «Струфиана» дополняют друг друга. Дважды возникающее в поэме в связи с Фёдором (ставшим в Сибири «старцем») имя Толстого³ ясно указывает на неоконченные «Посмертные Записки старца Федора Кузмича» (1905) как на текст, при свете которого следует читать «недостоверную повесть». Чтобы понять причину обращения Самойлова к Толстому, важно представить специфику отношения к личности и общественной роли Солженицына накануне создания поэмы.

Как отмечает Г.И. Медведева, «Солженицын интересовал Д.С. пристально, пожалуй, как никто из современников. Ведь именно Александру Исаевичу в глухую пору безгласности выпало стать сосредото-

ем и эпицентром политических, социальных и метафизических страстей» [6. С. 694]. Здесь же отмечается, что полемика в поэме «Струфиан» не первая попытка Самойлова вступить в диалог с идеями Солженицына, соположить их с собственными размышлениями. В начале 1970-х гг., вскоре после выхода в свет «Августа Четырнадцатого», Самойлов начал набрасывать «Вопросы» – текст, в котором формулирует свои возражения Солженицыну, вступает в заочный диалог о ряде ключевых философских проблем, поднятых в эпопее. «Вопросы» так и не будут закончены, тем не менее, слухи о работе Самойлова дойдут до автора. Солженицын предложит вынести дискуссию в самиздат, но Самойлов ответит отказом. Несмотря на уход от публичной дискуссии, уяснение собственных позиций по тому кругу идей, который очертил автор в ту пору еще строящегося «Красного Колеса», оставалось для Самойлова актуальным.

Самойлов пристально следил за публикациями художественных и публицистических текстов современника, зачастую записывал свои впечатления в дневнике. Поэт замечает и оценивает как публицистическую, так и художественную составляющую творчества Солженицына, размышляет над их соразмерностью (см. записи в дневнике от 5 марта 1968 г., 16 ноября 1969 г., 20 декабря 1969 г. [1. Т. 2. С. 36, 48]). Для Самойлова Солженицын – не только писатель и публицист, но и представитель определенного типа личности, который интересует его и с философской, и с художественной точки зрения. Примерно в это же время Самойлов задумывает сочинение, которое позднее станет пьесой «Фарс о Клопове, или Гарун аль Рашид»⁴, в центр которой ставит проблему частного человека, открывающего глаза властителю и дающего ему благие советы.

Интерес к фигуре титулярного советника Анатолия Алексеевича Клопова (1841–1927), одержимого идеей исправления империи, Самойлов испытывал с начала 60-х. Клопов с 1898 до 1917 г. находился в переписке с императором Николаем II, сообщая ему свои наблюдения о жизни в столице и провинции и обусловленные ими предложения об исправлении государства. В Клопове Самойлов увидел не только примечательного исторического персонажа, но и типический характер. В дневниковых записях «клоповщина» становится именем нарицательным, используется как синоним мечтательности, идеализма, веры в возможность инициировать словом социальные изменения. Показательно, что имя Солженицына появляется рядом с размышлениями об этом явлении наряду с именем Толстого. Напомним приводившуюся частично выше запись от 1–3 марта 1974 г.: «Солженицын продолжает играть председателя земшара. Он написал свой план переустройства России и отправил его правительству. Вечная “клоповщина”» [Там же. С. 73]. Несколькоими днями позже, 9 марта, Самойлов вновь рассуждает о «клоповщине»:

«В России великий гражданин обязательно – ругатель. А чтобы ругательство его было услышано, должен и ругать на уровне ругаемых. Кто кого переплюнет. Хуже всего, когда такой герой выступает с положительной программой, да еще и посылает ее ругае-

мым. Тут и лезет “клоповщина”. “Клопова” надо писать в виде повести. Теперь все ясно» [1. С. 74].

Упоминание «клоповщины» и «идеализма» возникает и в связи с другим опытом чтения, немного более ранним. 15 февраля 1971 г.: «Письмо Льва Толстого Николаю II (в “Былом”)». Даже в Толстом “клоповщина”. “Клоповщина” – явление не русского рабства, а русского идеализма. Вот смысл пьесы. Я это чувствовал, но не формулировал так точно» [Там же. С. 50]. При этом Л.К. Чуковской, увидевшей в «Клопове» аллюзию на Солженицына, Самойлов пишет, что его корреспондентка «не так поняла пьесу»:

«Его я не собирался трогать. Тогда я тронул и Льва Николаевича, писавшего Александру III и Николаю II. Я писал о клоповщине, чисто русском явлении, о той вере, что они не знают, а им можно что-то объяснить. И удачливый пример Клопова доказывает, что объяснить ничего нельзя, что история идет своим путем, что поезд тронется и раздавит всех действующих лиц. Пьеса безнадежная» [9. С. 176]⁵.

Толстой и Солженицын для Самойлова были представителями одного типа: великие писатели, последовательно занимавшиеся жизнеучительством (т.е. зараженные «клоповщиной»). Это объясняет логику включения пародийного переложения «Письма вождям Советского Союза» в сюжет, уже использованный Толстым. Самойлов решает несколько задач. Он показывает, что расслышал толстовские «ноты» письма Солженицына, по композиции и интонации близкого толстовскому обращению к Николаю II. В то же время Самойлов напоминает об одной из идей «Посмертных записок...»: люди, находящиеся у власти, потому творят незаконные, что сами находятся под властью греха и безумия. Раскаяние в прежнем, внутренний переворот, по Толстому, могут подвигнуть властителя на уход, отказ от власти. Самойлов, по всей видимости, не верил в возможность того, что власть изменится «изнутри», поэтому предлагает такую интерпретацию легенды, где властитель не переживает нравственный переворот. Если в предыстории русского идеалиста-советодателя Федора Кузьмича читатель может увидеть динамику характера, то Александра I представлен нам абсолютно статичным. Инициатива изменений сначала идет от «советодателя», который несет властителю свой «проект». А затем – от НЛЮ, которое, помимо воли действующих лиц, снимает с Александра I необходимость принимать решение. Тем самым Самойлов вместо истории нравственного переворота предлагает читателю скептическую концепцию отношений власти и советодателя. Сомнения и раздумья об уходе самоейловского Александра I не следствие перелома характера, а реакция на изменения политической и общественной обстановки:

Уход от власти – страшный шаг.
В России трудны перемены
И небывалые измены
Сужают душно свой кушак

[10. С. 112].

Как было замечено, «там, где герой Толстого совершает нравственный выбор, одноименный герой Самойлова получает чудесный подарок» [11. С. 419].

Подарок этот значим лишь для государя: «...история не кончится, а оставшиеся здесь будут мучиться старыми и новыми проблемами, в том числе тобой (и твоим уходом) накликаемыми (вроде едва не разразившейся в декабре 1825 года и тогда дорогой ценой остановленной гражданской войны)».

Возможно, что «актуальный» контекст «Струфиана» не ограничивается отсылкой к «Письму вождям». На это указывает запись от 4 апреля 1974 г. Отмечая возобновление работы над поэмой после десятилетнего перерыва, Самойлов упоминает и о работе над статьей о Солженицыне: «О смерти Александра I (его похищают НЛЮ!) (рассказ, повесть?) <...> О Солженице, об отъездах (памфлеты)» [1. Т. 2. С. 76].

Обратим внимание на два взаимосвязанных факта. В линии Александра I, которая, следуя логики записи, выдвигается на этом этапе как центральная, Самойлов обращается к теме ответственности правителя перед народом, отсутствующей в «Посмертных записках...». В 9-й главке поэмы говорится о готовящемся восстании декабристов – это прямое указание на катаклизмы, поджидающие оставленное отечество. В статье о Солженицыне, опубликованной в 1991 г., но составленной и дополнявшейся с 1971 г., Самойлов также поднимает тему ответственности правителя перед народом и не соглашается с позицией Солженицына, «прощающего» самовольный уход из жизни генерала Самсонова⁶. Весьма возможно, что работа над поэмой, для которой была важна полемика с «Письмом вождям...», актуализировала круг вопросов, волновавших Самойлова в связи с «Августом Четырнадцатого». Таким образом, Самойлов в «Струфиане» ведет не только актуальный спор о «советодательстве» (в линии старца), но и продолжает отложенный, но не менее волнующий разговор о «правителе» (в линии императора).

Не менее интересна связь между поэмой и статьей «об отъездах». В записях Самойлова то и дело звучат размышления о вольных и невольных эмигрантах. 24 марта 1974 г.:

«Рассказывали о выдворении Викт. Некрасова, о заявлениях Литвинова и прочих. Спасая себя, делают вид, что спасают нас». 31 марта: «Приходил Юлик [Даниэль]. Рассказывал об отъездах семьи Солж. И Шрагина.

Я: «Отношение к этому эмоциональное».

Он: «У меня чисто эмоциональное».

Я: «Не пора ли выработать отношение аналитическое?»

Я говорил, что мы не знаем общества, в котором живем» [Там же. С. 75].

Важно подчеркнуть, что отношение Самойлова к изгнанникам и тем, кто сам добивался отъезда, было принципиально разным. Первым он сочувствовал, понимая, что расставание с родиной приносит страдание (среди них был Солженицын); мотивы вторых не принимал. В эссе «Копелев об эмиграции» и «Об отъездах» Самойлов размышлял, в частности, об ответственности интеллигенции перед оставленной страной.

Пишут, дескать, Царство Божие внутри нас, а потому «покидать Россию или не покидать решается почти на бытовом уровне – в зависимости от личного долга перед близкими тебе. Если есть хоть собачка,

которой ты нужен и увезти которую не можешь, оставайся. Если нет живой души, которой необходимо исключительно твоё присутствие в России, беги из мертвецкой скуки». «А народ – это не “живая душа”? А культура – хуже собаки? Писать так – значит чувствовать долг перед мирком, а не миром. Где же Царство Божие?» («Об отъездах») [15. С. 578]⁷.

Добавим, что в 1972 г. эмигрировал человек, с чьим именем связаны первые подступы к сюжету «Струфиана», – И.А. Бродский. В дневнике от 27 февраля 1964 г. находим слова сочувствия затравленному поэту и рядом с ними – замысел фантастической истории: «Придумал рассказ о похищении Александра I марсианами – в духе Всеволода Иванова. Тяжко из-за Бродского» [1. Т. 1. С. 353]. 18 марта 1964 г.: «Приходила жена ленинградского поэта Друскина. Рассказывала о суде над Бродским. Типичный российский суд хамства и самовласти над поэтом. Бродский держался с достоинством» [Там же. С. 354]. В следующей записи, от 3 апреля, Самойлов размышляет о путях исторического развития: людей, верящих в развитие через нравственное изменение, он противопоставляет революционерам, «верившим, что искусственно, “сверху”, путем совершенствования власти можно сделать человечество счастливым». Далее поэт пишет:

«Два человека сумели в России преодолеть страх и видеть будущее – это Толстой и Блок. Первый раньше всех увидел нравственный пути спасения. Второй, предвидя катастрофы, умел быть бесстрашен перед народной стихией, чувствовал ее нравственные основания и был глубже революционеров в том, что, в отличие от них, не верил в конструктивные возможности любого государства» [Там же. С. 355]⁸.

Контекст дневниковых записей позволяет предположить, что, по крайней мере, на первом этапе Самойлов был в большей мере увлечен сюжетом исчезновения или ухода накануне исторических событий и, одновременно, нравственного самосовершенствования, противопоставления революционного (внешнего) и нравственного (внутреннего) пути, чем сюжетом «жизнеучительства». «Струфиан» предполагает три «конкурирующих» интерпретации: Александр похищен НЛЮ насильно, вследствие рокового стечения обстоятельств; Александр добровольно улетает на летающей тарелке; похищен Фёдор, а Александр (вступив в не описанный сговор с генералом Дибичем) скрывается и оказывается в Сибири. На последний вариант намекают строки «Подозревали в нем царя, / Что бросил царские чертоги...» [10. С. 118]. У этого варианта есть логическое продолжение: история про летающий объект записана (или выдумана?) Александром (ставшим старцем Фёдором). Подзаголовок «недоверенная повесть» при этом можно читать не только как намек на шутливый характер поэмы, но и как указание на недоверенность «расшифрованного» «одним знакомым программистом» послания. Несмотря на то что третий сценарий и его развитие кажутся не самым вероятным, открытость для интерпретаций – принципиально важная особенность поэмы. Так автор нивелирует разницу между добровольным и вынужденным «уходами», избегает прямой оценки поступка Александра.

Резюмируем сделанные наблюдения. Знакомство с контекстом создания поэмы помогает понять, что публицистический посыл повести не исчерпывается полемикой с «Письмом вождям...». «Струфиан», с одной стороны, обращен к широкому кругу солженицынских взглядов, выраженных в том числе и в «Августе Четырнадцатого». Самойлов видит в Солженицыне наследника толстовских традиций – не только публицистических, но и художественных⁹.

С другой стороны, немаловажным оказывается контекст эмиграции, вынужденной и добровольной: утопический проект, по Самойлову, не находит приложения не только из-за своего содержания, но и потому, что отсутствует деятель, который мог бы взять на себя ответственность за изменения. Оставляя недоговоренной ситуацию исчезновения, Самойлов смещает акцент с причин сложившегося положения на его возможные последствия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Написание имени старца варьируется: Толстой писал отчество своего героя без мягкого знака (Кузмич), Д. Самойлов – с мягким знаком (Кузьмич).

² Владимир Львович Гершуни (1930–1994) – поэт, диссидент.

³ В записи от 1–3 марта 1974 г., где Самойлов излагает свое отношение к сочинению Солженицына, поэт называет «Письмо вождям...» «планом переустройства России» и дает ему характеристику: «вечная клоповщина», т.е. осмысляет его через историческую призму.

⁴ Во второй главе: «В одной заимке возле Томска / Жил некий старец непростой, / Федором он прозывался. / Лев Николаевич Толстой / Весьма им интересовался»; В восьмой: «А что Кузьмин? Куда девался / Истории свидетель той, / Которым интересовался / Лев Николаевич Толстой?» [10. С. 110–111, 118].

⁵ Первые записи, связанные с замыслом этого сочинения, относятся к зиме 1963 г., но только пять лет спустя, в 1968 г., Самойлов находит необходимую интонацию и приступает к активной работе. Пьеса будет завершена зимой 1981 г. (об этом свидетельствует дневниковая запись от 21 февраля: «Окончил “Клопова!”» [1. Т. 2. С. 154]. В письме к Л.К. Чуковской, датированном мартом 1981 г., пишет: «Уже, кажется, писал Вам, что закончил (совсем) пьесу. И сразу уже начал ее снова перепечатывать, внося разные правки. Надеюсь в конце марта прочитать пьесу Вам. Называется она “Фарс о Клопове, или Гарун аль Рашид”. Название – хотя сейчас на афишу. Но на это надеюсь слабо» [9. С. 161]). В 1981 г. Самойлов читает «Клопова» московским и ленинградским знакомым, фиксирует в дневнике их реакции (28 марта, 10, 20, 26 апреля, 26, 29 июня, 5, 14 июля, 13, 27 августа, 9, 18 сентября [1. Т. 2. С. 155–157, 159–160, 162–163]). Пьеса была принята неплохо, но, видимо, поэт рассчитывал на большее: «Мой замысел не понят... Нужен театр!» (5 июля 1981 г.) [Там же. С. 159]. В 1981 г. пьесу прочли Г.А. Товстоногов и Ю.П. Любимов, в 1985-м – А.В. Эфрос. Однако «Фарс...» так и не был поставлен. Опубликована пьеса была уже после кончины автора (см.: [7, 8]).

⁶ Чуковская не приняла замысел и после разъяснения Самойлова. 14 сентября 1981 г. она отвечает: «Вы утверждаете, что объяснить что-нибудь им, т.е. царям, гонителям – зряшное дело. Вы неправы <...> Ни Герценовские обращения к Александру II, ни Толстовские и Соловьевские – к Александру III – вовсе не были бесполезны, хотя в ту минуту никого не спасли. Они спасают и очищают души тех, кто писал их (это очень важно), и тех, кто читает их *теперь*, да неизвестно и когда может проснуться душа адресата» [1. Т. 2. С. 178].

⁷ В «Августе Четырнадцатого» автор зримо выражает сочувствие генералу Самсонову, объективно виновному в катастрофе, постигшей его армию. Самоубийство Самсонова для Солженицына – поступок трагически вынужденный, но отнюдь не дискредитирующий генерала. В этой связи Самойлов писал: «Вполне современный вариант христианства, без подвига самопожертвования, без сострадания, без любви. Вариант христианства фадеевского, а не толстовского. Фадеев ведь тоже в момент самоубийства сопричастился богу. И значит, мирской подвиг самоубийства из раскаяния или от страха перед судом человеческим есть подвиг, угодный богу? И вина перед людьми, вина нелюбви, незаботы, неспасения, небережения людей искупается нелюбовью к собственному физическому существованию? Достаточно ли одной предсмертной молитвы для искупления пролитой крови? Уж слишком легким было бы искупление, слишком проста амнистия» [15. С. 524]. Допустимо предположить, что эпизод предсмертной молитвы в «Августе Четырнадцатого» (Самсонов обращается к единственной видящейся звездочке) полемически отражен в «Струфиане»: в кульминации поэмы Александр и Федор видят странную звезду, оказавшуюся «НЛО», что круто изменяет их судьбы.

⁸ Оппонент Самойлова до сих пор, кажется, не указанный – Лев Лосев. Самойлов цитирует эссе «После молчания». Эссе было напечатано в № 8–9 «Континента» за 1976 г. и вошло в книгу «Закрытый распределитель» (Эрмитаж, 1984). Здесь Лосев разворачивает несколько идей: равенства людей и условности всяческих социальных и национальных атрибутов.

Самые отважные об этом заговорили, но даже и они сбиваются на рецепты, как всем скопом в Царство Божие войти. Но ведь сказано, что Оно внутри нас». «И нет данной родины – разве только, как в анкетах пишут, М. Р. (место рождения) – если мы сквозь душу свою к ней не пробьемся». Автор, тем самым, оправдывает отъезды:

«В свете этого мужественного и честного самосознания вопрос, покидать Россию или не покидать, решается почти на бытовом уровне – в зависимости от личного долга перед близкими тебе. Если есть хотя бы собака, которой ты нужен и увести которую с собой ты не можешь, оставайся. Если нет живой души, которой необходимо исключительно твое присутствие в России, беги из мертвецкой скуки. А если ты еще можешь спасти из лжи и несвободы кого-то из близких, тем вернее – беги! Прямая возможность бегства за рубеж – счастливая возможность для немногих удачливых. Но есть иные, трудные возможности бегства внутри России, внутреннего отшельничества» [17. С. 448–449].

⁹ Сопоставляя писателей, Самойлов, конечно, отмечал и сходство, и различия. В частности, критикуя «Август Четырнадцатого», Самойлов писал: «В романе, сопоставляемом с “Войной и миром”, нет телесного, органического начала личности, начала, у Толстого оваянного духовностью, где страдание родов, смерти, боли одухотворено и выравнено духовным началом любви. Телесное начало Толстого заменено мужицким сексом, разлитым в романе, – сексуальностью без любви и уважения к женщине, однообразно проявляемой в разных персонажах. Это если и “Война и мир”, то мужицкое, без ленинского “перехода на позиции”, а исконно с мужицких позиций» [15. С. 534–535].

ЛИТЕРАТУРА

1. Самойлов Д.С. Поденные записи : в 2 т. М. : Время, 2002.
2. Солженицын А.И. Давид Самойлов // Новый Мир. 2003. № 6. С. 171–178.
3. Харитонов М. Стенография конца века: Из дневниковых записей. М. : Новое литературное обозрение, 2002.
4. Самойлов. Д. Счастье ремесла: Избранные стихотворения. М. : Время, 2010.
5. Солженицын А.И. Письмо вождям Советского Союза. Париж : YMCA-PRESS, 1974.
6. Медведева Г.И. О составе // Самойлов Д.С. Памятные записки. М. : Время, 2014.
7. Петрополь. Альманах. Санкт-Петербург, 1992 / публикация Г. Медведевой.
8. Самойлов Давид. Над балаганом – небо: Поэзия и театр. М. : Текст, 2015.
9. Самойлов Д., Чуковская Л. Переписка: 1971–1990. М. : Новое литературное обозрение, 2004.
10. Самойлов Д.С. Поэмы. М. : Время, 2005.
11. Немзер А.С. Поэмы Давида Самойлова // Самойлов Д.С. Поэмы. М. : Время, 2005. С. 419.

12. Солженицын А.И. Собрание сочинений : в 30 т. М. : Время, 2014. Т. 7.
13. Солженицын А.И. Август Четырнадцатого. Узел I. Париж : YMCA- PRESS, 1971.
14. Толстой Л.Н. Собрание сочинений : в 22 т. М.: Худ. лит., 1978–1985.
15. Самойлов Д.С. Памятные записки. М. : Время, 2014.
16. Самойлов Д.С. Избранное. М. : Худ. лит., 1980.
17. Лосев Л. Собрание: Стихи. Проза. Екатеринбург : У-Фактория, 2000.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 22 декабря 2016 г.

POLEMIC RETHINKING OF WORKS BY L.N. TOLSTOY AND A.I. SOLZHENITSYN IN DAVID SAMOYLOV'S POEM "STRUFIAN"

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 414, 29–33.

DOI: 10.17223/15617793/414/4

Ekaterina V. Tupova, Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: katya.tupova@gmail.com

Keywords: D.Samoylov; A. Solzhenitsyn; L. Tolstoy; "Strufian"; *The Red Wheel*; *August 1914*; "The Posthumous Notes of the Monk, Fedor Kuzmich".

The article analyses the connection between the problematics and poetics in "Strufian" (1974) by David Samoylov with the works of L.N. Tolstoy and A.I. Solzhenitsyn. When referring to the storyline Tolstoy used in "The Posthumous Notes of the Monk, Fedor Kuzmich" (1905), Samoylov raises two essential issues: first, the issue of the historical responsibility of the ruler (Alexander I of Russia's storyline), and, second, the issue of teaching how to live and of social utopism (Fedor's storyline). It is commonly known that Samoylov used Fedor's narration to pamphletically reword Solzhenitsyn's views expressed in his *Letter to Soviet Leaders* (1973). While tracing the history of the creation of the poem, the author shows in the article that this vein was prepared by Samoylov's previous ten-year-long thinking about Solzhenitsyn's social role and the nature of his talent. In Samoylov's diaries, we often come across Solzhenitsyn's name, in connection with an attempt to characterize a definite personality type, into which Samoylov placed Tolstoy as well. That is a Russian idealist and advice-giver, who combined his publicist talent with believing in the possibility of initiating social changes through discourse. Samoylov, as one can see, did not believe in the possibility of changes occurring "inside" the rulers, and that is why he proposed an interpretation of a legend, where the ruler did not undergo an ethical and moral revolution. It is interesting that at first, before reading the *Letter to Soviet Leaders*, Samoylov was more captured by the storyline of disappearing or leaving, just before some historical events and, at the same time, of moral self-improvement, of opposing a revolutionary (external) and an ethical (internal) way, than by the storyline of "teaching how to live". In between the creating the conception of the poem and its turning into a writing, Samoylov familiarized himself with *August 1914*. Reading the first part of the famous saga prompted Samoylov to start making "Questions" to the author of *One Day*. Despite keeping out of public discussions, the fact of coming to the realization of his own attitudes towards the range of ideas Solzhenitsyn outlined at the time when *The Red Wheel* was still a work in progress obviously remained topical for the poet, and was probably expressed in "Strufian" within the storyline of Alexander I. Samoylov turned to the problem of the responsibility of a ruler to his people, the problem that was lacking in "The Posthumous Notes of the Monk, Fedor Kuzmich". Chapter 9 of the poem tells about the Decembrist uprising that was being prepared. That may be viewed as a direct indication of the catastrophe that the motherland was going to face. In his article about Solzhenitsyn, published in 1991, though it had been prepared and edited since 1971, Samoylov also raised the problem of a ruler's responsibility to the people, and argued with Solzhenitsyn, who "forgave" General Samsonov's self-willed departure from life.

REFERENCES

1. Samoylov, D.S. (2002) *Podennye zapisi: v 2 t.* [Daily notes: in 2 vols]. Moscow: Vremya.
2. Solzhenitsyn, A.I. (2003) David Samoylov. *Novyy Mir*. 6. pp. 171–178. (In Russian).
3. Kharitonov, M. (2002) *Stenografiya kontsa veka: Iz dnevnikovyykh zapisey* [Notes of the end of the century: From the diary]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
4. Samoylov, D. (2010) *Schast'e remesla: Izbrannye stikhotvoreniya* [Happiness of the craft: Selected poems]. Moscow: Vremya.
5. Solzhenitsyn, A.I. (1974) *Pis'mo vozhdym Sovetskogo Soyuz* [Letter to Soviet Leaders]. Paris: YMCA-PRESS.
6. Medvedeva, G.I. (2014) O sostave [On the structure]. In: Samoylov, D.S. *Pamyatnye zapiski* [Memoranda]. Moscow: Vremya.
7. *Petropol'*. (1992). 5.
8. Samoylov, D. (2015) *Nad balaganom – nebo: Poeziya i teatr* [Above the booth the sky: Poetry and theater]. Moscow: Tekst.
9. Samoylov, D. & Chukovskaya, L. (2004) *Perepiska: 1971–1990* [Correspondence: 1971–1990]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
10. Samoylov, D.S. (2005) *Poemy* [Poems]. Moscow: Vremya.
11. Nemzer, A.S. (2005) Poemy Davida Samoylova [Poems by David Samoylov]. In: Samoylov, D.S. *Poemy* [Poems]. Moscow: Vremya.
12. Solzhenitsyn, A.I. (2014) *Sobranie sochineniy: v 30 t.* [Works: in 20 vols]. Vol. 7. Moscow: Vremya.
13. Solzhenitsyn, A.I. (1971) *Av gust Chetyrnadtsatogo* [August 1914]. Paris: YMCA- PRESS.
14. Tolstoy, L.N. (1978–1985) *Sobranie sochineniy: v 22 t.* [Works: in 22 vols]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
15. Samoylov, D.S. (2014) *Pamyatnye zapiski* [Memoranda]. Moscow: Vremya.
16. Samoylov, D.S. (1980) *Izbrannoe* [Selected works]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
17. Losev, L. (2000) *Sobrannoe: Stikhi. Proza* [Collected works: Poems. Prose]. Ekaterinburg: U-Faktoriya.

Received: 22 December 2016